

АЛЕКСАНДР КОРОТИН

ВАГОН ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Летом 1921 года в Москву на имя Владимира Ильича Ленина прибыл вагон с продовольствием. Его доставили четыре товарища — Иван Иванович Додонов, Трофим Сергеевич Мищенко, Федор Михайлович Корниенко и Антон Егорович Запорожцев. Вагон с продовольствием был подарком воронцовоалександровских рабочих и крестьян голодающим рабочим столицы. Этот высокий гражданский подвиг ставропольцев был замечен и оценен Лениным. В Полном собрании сочинений В. И. Ленина патристическому поступку наших земляков посвящено девятнадцать строк, написанных рукою Ильича. Но за этими строчками встает великое и суровое время молодой республики Советов, ее мужественных бойцов, сменивших штык на кирку к плуг, встает бессмертный образ Ильича, за громадой дел всегда помнившего о человеке — о наркome продовольствия, который вечно недоедал, и о простом пахаре из Ставропольской губернии, по-братски поделившемся с московским рабочим куском хлеба в тот голодный двадцать первый год.

ПО НОЧАМ НИЧЕГО, КРОМЕ ХЛЕБА, НЕ СНИЛОСЬ. А В АМЕРИКЕ ГНОИЛИ ПШЕНИЦУ. ЧТО РЕШИЛИ НА СОБРАНИИ...

Смотри не смотри на небо — напрасны ожидания. Откуда быть хоть худосочной тучке, если небо будто прокалено — белесое, дышит нестерпимым жаром. Возьмешь щепотку землицы, разотрешь на усталой, в тугих застарелых мозолях, ладони, и унесет пылью горячий ветер.

Засуха...

Старики собирались в тени, под навесами, говорили все об одном и том же: было такое безводье в 1891 году, а может, совсем давно—теперь разве вспомнишь? И вот опять лихолетье. Откуда же быть хлебу в крестьянской хате?

В сельсовете при угрюмом молчании читали губернскую газету «Власть Советов»:

«По данным губстатбюро в Медвеженском уезде погибло 60 процентов озимых и 80 процентов яровых хлебов; в Благодарненском уезде — 60 процентов озимых и 30 — яровых; в Свято-Крестовском уезде — 70 процентов озимых и 50 — яровых; в Ставропольском уезде — 15 процентов озимых и 5 — яровых; в Александровском уезде — 10—12 процентов озимых и 10 процентов яровых...».

Трудно было с хлебом на Ставрополье. Еще труднее было там — в Поволжье.

Газетные страницы разносили тяжелые вести: голод охватил Уфимскую, Царицынскую, Саратовскую, Симбирскую, Вятскую, Пермскую, Казанскую губернии... 34 губернии, 33 миллиона голодных. «В Саратовской губернии в деревне Едюзане от голода население вымирает целыми семьями. Трупы не убираются по несколько дней; скот совершенно уничтожен. Из 40 тысяч жителей в селе осталось только 800 человек». «В Челябинской губернии голодают 336 400 человек, из коих 168 400 детей».

Тиски голода сжали Москву и Петроград.

По ночам ничего, кроме хлеба, не снилось.

А у американских фермеров гнила пшеница. Об этом было известно после выступления на заседании Лиги Наций великого норвежца Фритъёфа Нансена, ученого, организатора международной комиссии по оказанию помощи голодающим. Глядя в холеные лица толстосумов, он говорил в Женеве:

— В этом году в Канаде урожай так хорош, что Канада может вывезти в три раза больше хлеба, чем нужно для борьбы с голодом в России. В Соединенных Штатах Америки пшеница портится в амбарах фермеров, потому что они не могут найти покупателей. В Аргентине столько кукурузы, что она не может ее продать и употребляет ее в качестве топлива для паровозов. В Америке и у нас стоят в гаванях

корабли без дела, а там, на востоке, гибнет 30 миллионов людей...

Косил голод, косила холера. Только за одну неделю — с 10 по 16 июля 1921 года — холера унесла в Ставропольской губернии 75 человеческих жизней.

Большое село, маленькое — все равно село: слухи несутся от хаты к хате быстрее быстрого. Вот и теперь пронеслось: будет собрание в Воронцово-Александровском.

—О чем же говорить станут?

—А кто его знает. Может, опять подразверстку учредят.

—Не должно. Продналог ввели — какое-никакое облегчение трудящемуся.

—Из укома будут. Серьезное дело.

—Послушаем — поглядим.

Было это общее профсоюзное собрание. Пришли кузнецы, медники, шапочники, кожевники.

Иван Иванович Додонов, участник этого собрания, впоследствии писал:

«В селе Воронцово-Александровском Ставропольского края до Октябрьской революции насчитывалось около 8 тысяч кустарей, работавших в различных мастерских. Купцы и кулаки безжалостно эксплуатировали их, заставляя работать по 14—16 часов в сутки, а платили за труд гроши. Не раз ремесленный люд поднимался на борьбу с угнетателями за свои права, но каждый раз царское правительство жестоко расправлялось с ним. Немало воронцовоалександровцев побывало в тюрьмах и даже в Сибири.

...Сразу же после окончания гражданской войны труженики села взялись за созидательную работу. Кустари и ремесленники объединились в профессиональный союз, председателем которого был избран я. Наш профсоюз активно боролся за восстановление хозяйства, за улучшение условий труда, помогал в укреплении Советской власти.

...В то время в стране свирепствовал голод. Исключительное положение создалось в Москве и Петрограде. И вот члены нашего профсоюза... решили организовать сбор продуктов питания для рабочих и служащих Москвы...»

На этом собрании проголосовали: выделить москвичам часть своего пайка. Разошлись по домам. Глядели в голодные глаза своих детей и жен и молчали. Еще и еще раз думали: помочь Москве — помочь Советской власти. В Москве — товарищ Ленин. Ему тоже трудно, у него тоже совнаркомовский скудный паек, а ему думать обо всей России, ему жить для всех людей труда, для мировой революции.

А вскоре рабочие Воронцово-Александровского узнали: не одни они жертвуют москвичам. Новогригорьевские крестьяне тоже митинговали и тоже решили помочь столице.

Аккуратно, по-крестьянски надежно и старательно упаковывали в мешки муку, крупу, сало. Стали подсчитывать — не меньше чем вагон надо, чтобы везти в столицу. Достали вагон, загрузили.

Кому сопровождать вагон, кому доверить ценный груз, получателем которого — как значилось в сопроводительных документах — был Владимир Ильич Ленин?

В делегацию от рабочих выбрали председателя объединенного профсоюза Ивана Ивановича Додонова и председателя профсоюза кожевников Федора Михайловича Корниенко, от крестьян — Трофима Сергеевича Мищенко, заместителя председателя сельскохозяйственной коммуны «Пробуждение» и Антона Егоровича Запорожцева.

Делегатам наказывали:

—Вагон, вагон берегите... Всем миром собирали... От себя оторвали кусок... В оба глядите.

—Непременно повидайтесь с товарищем Лениным... Как он там? Поклон от всех нас... О жизни нашей расскажите толково... По Москве ходите, ног не жалейте — какая она там, столица?

Слушали делегаты — все обещали выполнить.
Каждому из четырех выдали бумагу с печатями и подписями — удостоверение личности.

Вот такое, например:

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано члену Союза сельскохозяйственных коллективов Воронцово-Александровского района Свято-Крестовского уезда Ставропольской губернии Трофиму Сергеевичу Мищенко в том, что он Союзом командирится в г. Москву с пожертвованиями продуктов от сельскохозяйственных коллективов для рабочих центра.

Союз просит все учреждения и тт. администраторов оказывать ему, т. Мищенко, всяческое содействие к выполнению возложенных на него поручений.

Председатель Союза Голоусенко

Член Союза Ржевский

Секретарь (подпись неразборчива)

На удостоверении дата — 7 июля 1921 года.

Выехали со станции Карамык, добрались до Минеральных Вод. Здесь вагон с продовольствием подцепили к пассажирскому поезду Баку — Москва. До столицы лежал путь в две тысячи верст.

ДУМЫ ВЫ КРЕСТЬЯНСКИЕ. ОТЧЕГО СЕДЕЮТ ЛЮДИ. ДОРОЖНЫЕ МЫТАРСТВА. ВОТ И МОСКВА-СТОЛИЦА...

Сквозь щель сочится зыбкий лунный свет, и если глядеть на этот свет, то думы исподволь, одна за другой, обступят тебя и унесут через неизвестные города и села к твоей земле. И уже не ощущаешь вагонной тряски, не слышишь жесткого перестука колес и суматошного перронного гомона на станциях, — весь ты там, на своей земле, над которой такой же дремотный разлив лунного сиянья.

Ходил по этой земле, распахивал ее, растил пшеничный колос и не удивлялся, как жил, с кем похлебку варил, радость-хмель пил да горе-горевал. А пришло время расстаться и унес тебя тряский вагончик, заныла она, душа крестьянская: кто знает, что будет с тобой на многоверстном пути, а там — дом, там земля, там новую жизнь начинал.

Была земля поповская, а стала коммунаровская. Поселились на этой земле крестьяне из Ново-Григорьевского и назвали свою коммуну светлым словом — «Пробуждение». Пробуждались, значит, от векового рабства, от тяжелых снов, и новые песни пели: «Кто был ничем, тот станет всем».

Землянки, шалаши, саманные хаты — не хоромы, а все же свое, а все же — свобода, своя власть — Советская. И стали они первыми коммунарами — братья Мищенко, Перерва, Казара, Барабаш, Лихолет, Голоусенко. Верховодить хозяйством поставили Петра Георгиевича Собенко. Он — человек деловитый, большевик, был на губернском съезде, что провозгласил Советскую власть на Ставрополье. А заместителем председателя коммуны выбрали его, Трофима Сергеевича Мищенко.

Земля-землица... И борозды по тебе прокладывали, и тут же окопы рыли. Винтовку наготове держали. Банды окрест рыскали. Потом и в коммуны нагрянули. Хитростью увели с собой председателя Петра Георгиевича Собенко и коммунара Ивана Голоусенко. Потом нашли их обоих — истерзанных бандитами. Двадцать семь пуль всадили в Ивана. Мертвого — и того боялись...

И тебя боялись враги, Федор Михайлович Корниенко. Какие сны снились, о чем думалось по ночам, пока до Москвы дотащились? Тридцать лет, а уже по-стариковски сед был. И то сказать: десятилетним мальчишкой пошел в батраки; провозгласили Советы — стал красным партизаном. Нашелся иуда — выдал в 1919 году белогвардейцам.

Кинули в Георгиевске в тюрьму, приговорили к расстрелу. Тринадцать дней, как тринадцать лет, ждал смертного часа. Отменили прежний приговор — дали двадцать лет каторги. Не пришлось идти по этапу — Красная Армия освободила. Вышел из тюрьмы белый весь...

Сочится сквозь вагонную щель лунный свет, и если глядеть на небо, думы думаются: светит луна всем одинаково, а мир лежит под ней разный — классовый.

Остановка в Батайске. Народища валом. Нырнешь в толпу, что иголка в стог сена — не отыщешься. Лучше сидеть на месте, можно и без кипяточку обойтись. А тут подходят какие-то, строго спрашивают:

— Что за люди? Что за вагон?

Объяснили как могли. Бумаги показали. Не подействовало.

— Отцепляй вагон,— распоряжаются.— Сами езжайте дальше пассажирским, а вагон ваш запломбируем, к товарному подцепим.

Делегаты переглядываются друг с другом: вот тебе на, такой загвоздки не учли. Как же это вагон оставить? Ведь груз такой. Растащить могут, разнести. Вон что творится на станции — сам себя не найдешь. А сколько еще таких станций, и на каждой свои начальники! Каждый станет отцеплять, прицеплять... Нет, не дойдет, не добежит вагон до столицы. С чем к товарищу Ленину идти?

— Не согласны мы отцеплять! — заявили делегаты железнодорожному начальству.— Не согласны ехать пассажирским. Как катили, так и докатим... Где у вас тут начальство повыше?

— В Ростове. В упродкоме... Неужто в Ростов пойдете?

— Пойдем.

Пошли Додонов и Корниенко, другие остались сторожить вагон.

Вернулись с бумагой: разрешается, мол, всей делегацией сопровождать вагон с продовольствием до самой Москвы.

Поехали по Курской дороге. Ехали-катили, на станции Яма (от Люблино недалеко) засели: вот уж и вправду яма. В чем дело? Придется обождать: банда недавно рыскала, на поезд напала, разграбила, рабочих постреляли — лужи крови еще не присыпали.

Наконец двинулись. Смотрят из вагона — бегут назад деревеньки, тощие, безлюдные. Остановятся — собирается у вагона толпа. Женщины, дети. Горячечные, голодные глаза. И всюду эти глаза — как укор, как мольба.

А то вдруг выпрыгнет машинист из паровозной будки, усталый, перемазанный, и скажет вроде про себя:

— Все. Выдохлись. Топка тухнет.

Тогда брались за топоры и пилы, несли дрова. И вот она — Москва.

В ГОРКАХ. ТЕЛЕФОНОГРАММА ИЛЬИЧА. СУДЬБЫ.

По заключению Гетье, лечащего врача Ленина, Владимир Ильич нуждался в немедленном отдыхе.

12 июля в Москве закрылся III конгресс Коммунистического Интернационала. Всей работой по подготовке и проведению конгресса руководил Ленин. На первом заседании конгресса, 22 июня 1921 года, он был избран почетным председателем. Под его непосредственным руководством были выработаны все основные решения конгресса. Владимир Ильич выступил с докладом о тактике РКП(б), с речами в защиту тактики Коминтерна и по итальянскому вопросу, выступал в комиссиях конгресса, на расширенных заседаниях Исполкома Коминтерна, на совещании членов немецкой, польской, чехословацкой, венгерской и итальянской делегации, встречался и беседовал с делегатами о положении дел в коммунистических партиях.

Врач настаивал на отдыхе, и 8 июля Владимир Ильич написал заявление в Оргбюро ЦК РКП(б) с просьбой разрешить ему отпуск, согласно заключению доктора Гетье, на один месяц, с приездом два-три раза в неделю на 2—3 часа в день на заседания Политбюро, Совнаркома и Совета Труда и Оборона.

На другой день Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение:

«Разрешить т. Ленину отпуск на один месяц с правом бывать во время отпуска только на заседаниях Политбюро (но не СНК и СТО, кроме специальных случаев — по решению Секретариата ЦК)».

13 июля Ленин уехал в Горки.

На третий день отпуска Ленин участвует в заседании Политбюро ЦК РКП(б), на котором обсуждаются вопросы о IX Всероссийском съезде Советов, об очередном пленуме ЦК, о Комитете помощи голодающим; председательствует на заседании Совета Труда и Оборона, а также — на заседании Совнаркома; пишет проект постановления по докладу Центросоюза об усилении товарообмена.

На другой день — снова заседание Политбюро ЦК РКП(б). Здесь решаются вопросы о назначении полпреда в Берлин, о кооперативном совещании, тезисы ВСНХ об экономической политике.

Отсюда, из Горок, постоянно идут записки, ленинские письма и телефонограммы по самым различным адресам: наркому внешней торговли Л. Б. Красину и наркому продовольствия Г. Д. Цюрупе — о закупке в Германии необходимых материалов для Каширстроя; М. И. Калинин — о помощи голодающим Поволжья; в Главуголь — о покупке врубовых машин за границей, председателю ЦИК Татарской АССР С. Г. Саид-Галиеву — по вопросу об автономных республиках РСФСР.

Опрашивая по телефону членов Политбюро ЦК РКП(б), Ленин высказывается за принятие проектов решений Политбюро: об ассигновании 12 миллионов рублей золотом на закупку семян для голодающих губерний; о распределении хлеба между Москвой и Петроградом; о поставках продовольственного налога с Украины.

В эти же дни Владимир Ильич беседует с Кларой Цеткин перед ее отъездом в Германию об итогах работы III конгресса Коминтерна и о путях осуществления его решений в Германии.

В субботний день 30 июля — в тот самый, когда заместитель управляющего делами Совета Труда и Оборона по вопросам экономического и хозяйственного строительства Вадим Александрович Смольянинов сообщил Владимиру Ильичу о приезде ставропольской делегации, — Ленин решал массу неотложных дел. Он дважды давал поручения Смольяникову; просил председателя ВЧК Феликса Эдмундовича Дзержинского разобраться в деле ряда буржуазных специалистов Свирского строительства, обвинявшихся в злоупотреблениях и вредительстве; писал председателю Реввоенсовета Республики о необходимости ликвидации морского ведомства; обращал внимание наркома внешней торговли Л. Б. Красина на телеграмму представителя РСФСР в Турции С. П. Нацаренуса, в которой сообщалось о возможности закупить в Трапезунде большую партию угля.

И наконец, звонок Смольянинова из Кремля.

Вот что рассказывал Вадим Александрович в своей статье «Штрихи великого портрета», напечатанной в журнале «Огонек» в апреле 1957 года.

«...Он (Ленин. — А. К.) был человеком дела, работа была для него прежде всего. А делал, работал он для людей!

В конце июля 1921 года в Москву прибыла делегация из Ставропольской губернии, доставившая вагон с продовольствием. Делегаты явились в Кремль, но Ленин был на отдыхе в Горках. Я тут же позвонил ему. Ильич попросил передать привет ставропольцам и окружить их в Москве заботой. «Все будет сделано, Владимир Ильич!» — сказал я. А через полчаса позвонили из Горок и продиктовали текст ленинской телефонограммы для передачи в Московский Совет».

Вот эта телефонограмма, как она опубликована в Полном собрании сочинений В. И. Ленина (том 53, стр. 80):

«Телефонограмма председателю Московской губкоммуну.

Копия президенту Московского Совета » Наркомпросу

Тов. Смольянинов сообщил мне, что делегация рабочих и крестьян Ставропольской губернии доставила в Москву на мое имя 1 вагон продовольствия для голодающих рабочих в подарок. Прошу, во-первых, о возможности более быстрого, без всякой волокиты, принятия этого вагона; во-вторых, о направлении его наиболее нуждающимся московским рабочим с обязательным оповещением их, что это подарок ставропольских рабочих и крестьян; в-третьих, принять меры к тому, чтобы о делегации позаботились и в смысле ее устройства и в том отношении, чтобы передать ей благодарность Московского Совета, и, наконец, снабдить их литературой и дать возможность повидать интересные их учреждения в Москве.

Об исполнении прошу донести мне немедленно и точно.

ЛЕНИН».

* * *

За давностью лет — с тех пор сорок девять годов минуло — трудно во всех деталях восстановить историю поездки делегации воронцовоалександровских рабочих и крестьян в Москву. Тем более, что в очень скудных печатных материалах, в письмах-воспоминаниях об этом есть неточности, а то и погрешности. Но главное — это ленинские строки, запечатлевшие патриотический поступок ставропольцев, строки, в которых Ленин — великий и простой, с его неустанной заботой о людях, с его благодарным сердцем.

Телефонограмма-просьба Ильича была выполнена точно. В самом начале августа 1921 года «Известия» напечатали заметку «Дар рабочих и крестьян». В ней говорилось: «Президиум Московского Совета, получив... подарок, постановил выразить жертвователям глубокую благодарность...»

Делегаты жили в Москве несколько дней. Были на заводах, в учреждениях. Их сердечно проводили, снабдили продуктами, литературой. А вернулись домой — расспросы, рассказы.

И до сих пор ходит молва-легенда, как возили ставропольцы хлеб Ленину. И не умрет эта молва, ибо живет она в ленинских строках.